

Макеенко М.И. Американская журналистика в Интернете/ Новые медиа и конвергенция. Сборник материалов Третьей летней школы по журналистике и массовым коммуникациям. М., 2004.

Мионов А.С. Раздувай и властвуй: Практическое руководство по технологиям «мягкой» пропаганды. М.: Добросвет, 2001.

Солодов В.В. Структурная трансформация СМИ: технологические причины и социально-экономические последствия. – М., МГУ, 2004.

© Луканина М.В., 2006

Лутовинова О.В.

Волгоград, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ХАКЕР»

Abstract

Anthropocentric Linguistics focuses its attention on the problems of correlation of language and a person on the one hand and of language and culture on the other hand. Lingual cultural concept is considered to be the main item of Cultural Linguistics. Though lingual cultural concepts correlate with notions they contain not only logical but also emotive components. Dealing with phenomenon of a person in language scientists realized the importance of investigations connected with a lingual personality. Linguistic cultural description of lingual personalities presents them as a generalized cultural personality types recognized by all bearers of a certain culture. Many different means of communication appeared in our life during the last years. Nowadays electronic communication plays an important role in the process of human intercourse becoming not only a changed channel of information transmission but a specific cultural and lingual environment. This new specific environment forms a new type of culture which is based on its new values. This article presents an analysis of one net cultural personality types – «hacker». The viewed cultural personality type seems the brightest one among the others which can be distinguished in net culture: programmer, admin, moderator, lamer, newbie, chatter, flooder, spammer and «padonak». The most interesting thing which can attract a researcher's attention is a specific contradiction between the essential constituents of the discussed cultural personality type.

При антропоцентрической ориентации современной лингвистики в центр исследовательского внимания помещаются такие проблемы, как взаимосвязь языка и личности, языка и культуры, вследствие чего лингвокультурное моделирование языкового сознания и коммуникативного поведения стало одним из ведущих направлений языкознания в конце XX – начале XXI века. Основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт, представляющий собой многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [Карасик 2002: 129]. Следовательно, хотя концепты и соотносимы с понятиями, они включают не только рационально-логические, но и эмоционально-эмпирические компоненты. Концепты неоднородны, и мы можем выделять как более конкретные (такие, напр., как «пища», «одежда», «деньги» и др.), так и более абстрактные («время», «счастье», «любовь», «жизнь» и др.) концепты.

Рассматривая феномен человека в языке, ученые пришли к необходимости изучения языковой личности, выделяя ее как индивидуальное или типизируемое образование в динамическом или статическом аспектах [Караулов 1987; Нерознак 1996; Сиротинина 2003]. Типизация языковой личности может осуществляться с различных позиций: психологии, социологии, лингвистики, культурологии. Лингвокультурное описание языковой личности сочетает в себе достижения других наук в данной области. Типизируемая в культурологическом аспекте языковая личность представляет собой лингвокультурный типаж, то есть обобщенное представление о человеке на основе релевантных объективных социально значимых этно- и социоспецифических характеристик поведения таких людей [Ярмахова 2005], то есть лингвокультурный типаж является узнаваемым образом представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [Карасик, Дмитриева 2005: 8].

Поскольку лингвокультурный типаж – это абстрактное ментальное образование, то в исследовательском отношении он представляет собой разновидность концепта. Термин «лингвокультурный типаж» представляется наиболее удачным для изучения и описания концептов такого вида, поскольку в нем «мы акцентируем внимание, во-первых, на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры, и, во-вторых, на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учетом обозначения, выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке)» [Карасик, Дмитриева 2005: 22].

Электронные технологии стали основой современного общества, которое переживает в настоящий момент качественно новый этап своего развития, превращаясь из общества индустриального типа в информационное. Новые информационные средства становятся одним из важнейших инструментов ориентации человека в мире и взаимодействия людей друг с другом, а новая среда накладывает большой отпечаток на все стороны общения. Специалисты различных гуманитарных областей знания, занимающиеся исследованием сетевого пространства [Землянова 1999; Капель, Киселева 2000; Нургалева 2002, 2004; Пласичук 2004; Галкин 2005 и др.], отмечают, что в Интернете сформировалась новая социокультурная среда, что к настоящему моменту мы уже можем говорить о существовании своеобразного типа сетевой культуры.

Понятие культуры обозначает универсальное отношение человека к миру, через которое человек создает мир и самого себя, и в основе любой культуры лежит система ценностей. Ценности лежат в основе оценки, каких-либо предпочтений, которые делает человек, характеризуя предметы, события, качества. Ценности – «специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их поло-

жительное или отрицательное значение для человека или общества. ... Внешне ценности выступают как свойства предмета или явления, однако они присущи ему не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а потому что он вовлечен в сферу общественного бытия человека» [Философский словарь 1987: 534]. Не существует ни одного аспекта человеческой жизни, который не был бы связан с процедурой оценивания [Connor 1992: 8]. Мы согласны с В.И.Карасиком, отмечающим, что в этом смысле представляется оправданным разделить ценности на внешние и внутренние, имея в виду то обстоятельство, что между внешними, социально обусловленными, и внутренними, персонально обусловленными ценностями нет четко очерченной границы [Карасик 2002: 167]. Те предметы, события и явления, которые играют в жизни человека большую роль, которые значимы для него, будут обладать определенным набором ценностей.

Виртуальное общение в подавляющем большинстве случаев является общением по собственному выбору, собственной инициативе, а не в силу подчинения тем или иным условиям ситуации общения. Человек, вовлекаясь в процесс виртуального взаимодействия с другими, находит его в той или иной степени, по той или иной причине интересным, полезным, ценным для себя. При проведении пилотажного эксперимента мы опросили около 300 респондентов по поводу того, что привлекает их в виртуальном общении, а так же вообще в использовании Интернета, из-за чего они могут предпочесть его общению в реальной ситуации в том или ином случае, что для них в этом процессе представляет ценность. Разрешалось называть несколько ценностей. В качестве ценностей виртуального взаимодействия были отмечены следующие: неограниченная доступность получения информации и завязывания контактов (возможность общения с большим количеством людей); скорость получения информации и завязывания знакомств; анонимность; отсутствие пространственных границ, размывание расстояний и стирание роли временного фактора; демократичность общения (проявляющаяся в негласно утвержденной форме общения на «ты» и, как следствие этого, в легкости установления контактов и завязывания знакомств без учета возрастных, социальных, расовых, половых и т.п. характеристик коммуникантов); свобода самовыражения (порой граничащая со вседозволенностью).

Тип культуры, формирующийся в рамках виртуального дискурса, в первую очередь, обусловлен особым пониманием природы информации и «влечет изменение традиций властвования, нарушение пропорций коллективного и индивидуального в культуре, определяет характер кризиса в системе этико-эстетических воззрений» [Нургалева 2002: www]. Именно новое понимание природы информации определяет характер

современных культурных трансформаций, заключающихся в упразднении различного рода отдаления: временного, пространственного, межличностного. Интернет, или всемирная паутина, является новым типом коммуникативного пространства, где доступной для взаимодействия становится любая точка земного шара, исчезают статусные различия. Как отмечает Т.П.Николаева, при становлении нового типа информационного общества, появляется специальное название, «пользователь», для того, кто это общество создает, кто его «населяет». И данный термин «не разделяет людей по профессиональному или иному какому-либо признаку, а указывает на единый, общий и для специалистов, и для неискушенных потребителей способ ведения дел» [Николаева 2001: 38].

Пользователь Интернета, взаимодействующий с другими пользователями, личность, погруженная в мир виртуального общения, вызывает большой интерес у исследователей различных областей знания, поскольку в процессе коммуникации в виртуальной среде происходит трансформация личности. Напр., психологов интересуют проблемы индивидуально-психологических пользователей сети Интернет, причины появления и методы избавления от интернет-зависимости, поведение пользователей сети на основе гендерных и возрастных различий, мотивация пользователей Интернета, для социологов актуальными оказывается исследование сетевых сообществ, аудитория Интернета, проблемы социальных институтов в виртуальном пространстве и т.п.

С точки зрения лингвистов, пользователь сети также представляет большой интерес, поскольку использует графический канал связи, включающий непосредственный контакт между партнерами коммуникации, их визуальную связь. Все виртуальное общение опосредовано текстом, порождаяемым одной стороной, и интерпретируемой другой. Вербальная коммуникация носит главенствующий характер в любой области человеческой деятельности, а при виртуальном общении приобретает особый статус, поскольку общение невербальное практически отсутствует. Имеющийся «арсенал» графики, созданный для выражения эмоций, отображения мимики и т.п. очень скуден и не может в полной мере передать всего того объема испытываемых чувств, появляющихся эмоций. К примеру, смайлик :-), отображающий улыбку не может ее конкретизировать, показать, является ли она грустной, кокетливой, просто улыбкой вежливости или идет от души. Жесты же виртуально отобразить невозможно. И большинство эмоций, чувств и действий описывается словами (напр., *глядя честными, наивными и широко распахнутыми глазами*, *игриво хмурясь*, *садясь на пол и громко и безутешно рыдая*, *злобно и ехидно* и т.д.). Фиксация и анализ коммуникативного поведения языковой личности через специфический

выбор лексических средств, грамматических конструкций, владение жанрами виртуального дискурса позволяет лингвистам создать речевой портрет современного пользователя Интернета.

Однако помимо речевого портрета пользователя Интернета интерес представляет и поведение пользователя в соответствии с той ролью, которую он себе выбирает (в силу анонимности общения в виртуальной среде можно остаться самим собой, а можно «примерить маску» кого-то другого, попробовать себя в новой, нетипичной для процесса реального общения роли), и шаблонное восприятие пользователя другими пользователями, согласно их ожиданиям, то есть определенные стереотипы восприятия. И ролевые предписания, и стереотипные представления, и вербальный ряд как важнейший компонент коммуникативного поведения, по мнению В.И.Карасика и О.А.Дмитриевой, входят в понятие лингвокультурного типажа [Карасик, Дмитриева 2005]. «Используя термин «лингвокультурный типаж», мы акцентируем внимание, во-первых, на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры, и, во-вторых, на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учетом обозначения выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке)» [Карасик, Дмитриева 2005: 22].

Внутри виртуального дискурса мы считаем правомерным выделять такие лингвокультурные типажи, как «хакер», «чайник», «ламер», «программист» (или «программер»), «администратор» (так же «системный администратор», или «сисадмин»), «модератор», «чаттер», «флудильщик», «спамер», «падонак».

В ряду типажей виртуального дискурса особое место занимает типаж «хакер», который благодаря широкому освещению в современных СМИ вышел за пределы виртуальной коммуникации и стал известен так же людям, имеющим приблизительное представление об Интернете и различных информационных технологиях.

Отношение к хакерам и хакерству у носителей русскоязычной культуры эмоционально маркировано. С одной стороны, хакерство порицается, осуждается, вызывает негодование, как и все противоправные действия, с которыми мы сталкиваемся. СМИ пестрят сообщениями, подобными следующим: «Опасный компьютерный хакер был пойман при попытке атаковать один из известных серверов с целью похищения и последующей продажи секретной информации», «Пятнадцатилетний подросток арестован после неудачной хакерской попытки», «Неизвестный хакер взломал сайт крупной торговой корпорации», и это не может не вызывать негативной оценки. С другой стороны, образ хакера притягателен и вызывает восхищение в молодежной среде. Желание оказаться на месте хакера, стать хакером очень сильно подпитывается радужным образом для

подражания, созданным современной киноиндустрией. Фильмы «Трон», «Матрица», «Хакеры», «Западня», «Меч-рыба», «Повелитель Сети» и др. пользуются огромной популярностью, именно в них хакер представлен в образе некоего супергероя, способного взломать самую «крутую» защиту, угадав пароль со второго раза. Хакеры идеализируются, окутываются ореолом романтики. Хакер – это нереализовавшийся гений, анархичный герой, волк-одиночка, даже если он действует заодно с другими. Соответственно, вся слава, уважение, восхищение в конце фильма достается именно ему.

При моделировании лингвокультурного типажа мы опираемся на тот факт, что он представляет собой вид концепта, а, следовательно, предполагает освещение с понятийной, оценочной и образной сторон. Теоретические основания подобного моделирования приводятся в работах В.И.Карасика [Карасик 2005] и О.А.Дмитриевой [Дмитриева 2005]. Так, В.И.Карасик предлагает моделирование лингвокультурных типажей на основе следующей схемы: 1) описание понятийного содержания рассматриваемого концепта, анализируя важнейшие имена концепта в их системных связях, включая родовидовые и оппозитивные отношения, раскрывая мотивацию признаков, составляющих моделируемый концепт, 2) определение ассоциативных признаков рассматриваемого типажа в индивидуальном языковом сознании, установленных в результате анализа коротких текстов, составленных информантами, контекстуальных фрагментах и ассоциативных реакциях носителей современной русской лингвокультуры, 3) выявление оценочных характеристик данного типажа в самопредставлении и представлении других социальных групп на основании анализа оценочных суждений в виде афоризмов и текстовых суждений [Карасик 2005:27]. О.А.Дмитриева дополняет данную модель необходимостью приведения социокультурной справки, где приводится информация о периоде существования моделируемого типажа, излагаются какие-то исторические факты, а также конкретизирует образную составляющую, отмечая, какие перцептивно-образные представления должны ее наполнять. Среди значимых представлений данным ученым выделяются такие, как указание типичной внешности, одежды, каких-либо атрибутов, среды обитания, описание речевых особенностей, манеры поведения, речи, ритуальных действий, сферы деятельности, досуга, круга общения, материального положения, этикета, происхождения, возраста [Дмитриева 2005: 75].

Для того чтобы определить понятийный компонент лингвокультурного типажа «хакер», мы обратились к словарным дефинициям. Слово «хакер» было заимствовано русским языком из английского (англ. hacker) сначала компьютерной терминологией, а затем уже вошло в пласт общеупотребительной лексики. Следует отметить, что во время

вхождения данного слова в русский язык большинство людей, работавших с компьютерами, имели специальное образование, связанное с микропроцессорной технологией, программным обеспечением, сетями и т.п., они пользовались англоязычной терминологией, однако не владели произносительными нормами английского языка. Слова представляли перед ними на экране монитора, имея только графическую форму, поэтому читались без применения каких-либо фонетических правил, произносились наподобие русских слов, как если бы они были написаны транслитом, вследствие чего необходимый для правильного английского произношения звук [э] заменился на [а]. Таким образом, для наиболее адекватного отражения понятийной стороны лингвокультурного типажа «хакер» необходимо обратиться к англоязычным толковым словарям, поскольку в русскоязычных словарях «хакер» либо фиксируется в одном из имеющихся у него значений, либо не отображается вообще.

На наш взгляд, наиболее полное отражение понятийная составляющая рассматриваемого концепта находит в сетевом словаре хакерского сленга «Файл жаргона» («The Jargon File, version 4.4.7»). Согласно данному словарю [JF4.4.7], у слова «хакер» существуют следующие значения: 1) человек, который получает большое удовольствие от исследования частных программруемых систем и изучения процесса повышения их возможностей, в противоположность большинству пользователей, которые предпочитают ограничиваться изучением необходимого минимума. RFC1392, словарь интернет-пользователей, усиливает данное значение следующим образом: «Человек, наслаждающийся доскональным пониманием внутренних действий систем, компьютеров и компьютерных сетей в особенности»; 2) тот, кто программирует с энтузиазмом (даже одержимо), кто получает больше удовольствия непосредственно от программирования, чем от теоретизирования по его поводу; 3) человек, способный должным образом относиться к хакерским ценностям; 4) человек, преуспевающий в быстром программировании; 5) эксперт по отношению к определенной программе или тот, кто часто работает с ней, как напр., «хакер Юникс»; 6) эксперт или энтузиаст любого дела. Кто-то может быть и хакером астрономии, напр.; 7) тот, кто получает удовольствие от интеллектуальных испытаний, состоящих в творческом преодолении или обходе ограничений; 8) (осуждающе – *стил.*) злоумышленник, который посредством поиска старается обнаружить и получить слабо защищенную информацию. Отсюда «хакер, взламывающий пароли», «сетевой хакер». Более правильный термин для этого значения – «крэкер» («взломщик»).

Приведенные дефиниции дают возможность выделить следующие

признаки в значении слова «хакер»: 1) человек, 2) образованный, 3) очень хорошо разбирающийся в компьютерах, сетях и т.п. и преуспевающий в программировании, эксперт, 4) получающий от своей работы большое удовольствие, 5) энтузиаст (порой даже одержимый), 6) злоумышленник, обладающий глубокими знаниями в области программирования и использующий их для доступа к слабо защищенной информации. Ключевыми признаками здесь будут являться «эксперт» и «энтузиаст своего дела». Таким образом, хакер – это специалист высокого класса, как в области теории, так и практики, стремящийся к постоянному совершенствованию своих знаний и умений, это творец, увлеченный интеллектуал, решающий трудные творческие задачи из области программирования, это определенный образ мысли и даже жизни. Однако если человек обладает очень серьезными и глубокими знаниями в операционных системах и умениями в программировании, то это еще не свидетельствует о том, что данные знания и умения будут направлены в созидательное русло, использованы во благо других, вследствие чего появляется такой тип хакера как взломщик, являющийся преступником, «информационным убийцей и террористом».

Как мы уже отмечали, появлению вне сети и вхождению в повседневный обиход, «хакер» обязан СМИ, которые акцентировали внимание на последнем из рассмотренных нами значений слова «хакер», а так же литература и фильмы о виртуальной реальности, компьютерных сетях и технологиях и т.д. Это привело к тому, что обычным среднестатистическим носителем русского языка «хакер» воспринимается именно в последнем значении, как злоумышленник, пытающийся незаконно завладеть ценной защищенной информацией в своих корыстных целях. Данный фактор оказал большое влияние на образную и оценочную составляющие исследуемого концепта.

Опрос респондентов и анализ текстов, так или иначе описывающих, раскрывающих суть хакера, показали, что в основе представления лингвокультурного типажа хакера лежат следующие образные характеристики:

1. Пол: мужской. Хакер – это человек, хорошо разбирающийся в компьютерных технологиях, программировании, сетях, что никак не может, по мнению респондентов, быть характеристикой женщины. Несмотря на тот факт, что в настоящее время немало девушек обучаются в вузах на специальностях, связанных с программированием, хакер ассоциируется только с мужчиной, что очень наглядно отражено в следующем анекдоте: – *Что общего между морской свинкой и женщиной программистом?* – *То, что морская свинка – она и не свинка, и не морская.*

2. Возраст: достаточно молодой, 20-25 лет, что входит в определенное противоречие с описываемым уровнем образования, опыта и

умений, для приобретения которых нужно гораздо больше времени, чем то, которым располагал молодой человек указанного возраста.

3. Внешность: худой, бледный, неряшливого вида, либо давно небритый, либо с небольшой щетиной, с давно немывтым, часто длинным и засаленным волосом, порой лохматый или с косичкой. Носит очки, лицо усталое, но с чуть нагловатой улыбкой, бегающие, с лихорадочным блеском красные воспаленные глаза (в поисках мышки и клавиатуры). Одет в растянутый свитер, широкие штаны или затертые до дыр джинсы, которые давно не были в стирке. В качестве обуви предпочитает тяжелые шнурованные ботинки. Карманы всегда оттопырены, поскольку в них находятся дискеты, компакт-диски, различный хлам, как напр., пачка использованных телефонных карточек для оплаты за Интернет, и даже может вмещаться бутылка или баночка пива. Часто носит рюкзак, поскольку ноутбук или несколько бутылок пива в карман не помещаются. Если выходит в магазин (купить пива, чипсов, пиццу и т.п.), то в ушах обязательно можно видеть наушники от mp3-плеера. У хакера могут трястись руки из-за того, что находятся в постоянном напряжении при работе на клавиатуре и с мышкой.

4. Интеллектуальные и духовные характеристики: умный, много знающий, хорошо разбирающийся в области точных наук, способный к математике, однако духовно беден, совершенно не читает художественную литературу.

5. Привычки: курит, причем много, не может жить без пива, употребляет так же более крепкие напитки. В еде непривередлив, питается полуфабрикатами, чаще всего пиццей, чипсами, сухариками, сырными шариками, бутербродами, может отварить себе пельмени, то есть питается всем тем, что подходит к пиву. Так же у него в доме часто можно найти банку соленых огурцов (вероятно, в том случае, если он употребляет спиртные напитки, более крепкие, чем пиво), так же хакер ест печенье, пьет кофе, причем крепкий, предпочитая его чаю. Слушает хард-рок, громко, на всю комнату. О событиях в мире знает из Интернета.

6. Окружение и стиль жизни: все свое время проводит за компьютером, и не просто за компьютером, а в Интернете, в особенности любит путешествовать в Интернете по ночам, постоянно взламывает сайты или даже банки. По ответам респондентов, хакер обязательно не женат, одинок, ведет замкнутый образ жизни, женщины его не интересуют, однако порой не против посетить порносайты. Однако можно встретить достаточное количество анекдотов, в которых фигурируют либо жена, либо девушка хакера, либо даже внуки (*Сидит хакер со своей девушкой в комнате. Хакер делает что-то за компом, а девушка сидит в кресле и пытается привлечь его внимание: «А у нас вчера под окнами НЛО завис...».* Хакер (сердито, не отрываясь от компа): «Надо было UNIX ста-

вить, под "окнами" все виснет...»). Это позволяет сделать вывод о том, что анекдоты о компьютерном мире, сочиняемые теми, кто хорошо знаком с ним, отражают не только образ хакера как взломщика, но так же и как человека, очень увлеченного своим занятием, вследствие чего и не замечающего окружающей действительности. С этой стороны «хакер» сближается с «программистом». Хакер так же любит решать задачи с алгоритмами, в его квартире все перевернуто вверх дном, если и встречается с кем, то с такими же хакерами, как и он сам, и обязательно для пьянки (часть анекдотов про хакеров начинается словами «Просыпается хакер после пьянки...»). Телевизор не смотрит, животных не держит. Максимум, что может находиться в его квартире, так это аквариум с застоявшейся позеленевшей водой, в котором когда-то были рыбки, но потом умерли от недостаточного ухода. Вместо аквариума может быть пустая клетка от попугая, так же давно мертвого, или коробка, где когда-то жили хомячок или морская свинка, и отсутствуют в настоящий момент в квартире по той же причине, что рыбки или попугайчик. В доме скапливаются груды ненужного хлама в виде всевозможных коробок из-под оргтехники, сломанных старых дискет, телефонных проводов и т.п.

7. Речь: изобилует различными терминами. При общении с неравным себе (а таким можно считать любого пользователя, который разбирается в компьютерах и сетях хуже хакера) присутствует определенная тональность, это либо ирония, либо сарказм.

Интересен тот факт, что настоящего хакера мало кто видел, не говоря уже о том, что общался с ним, поскольку он не афиширует себя, не хвастается своими умениями. Образная сторона лингвокультурные типажей, выделяемых в рамках виртуального дискурса, складывается на основе утрированных характеристик, приписываемых им, поскольку пользователь сети опирается не на конкретные знания, а на субъективный образ, который создает на основе своих догадок, ассоциации с прочитанным и услышанным, и, «рисую» данный образ, дает волю своим воображению и фантазии, вследствие чего здесь не может быть «золотой середины».

Для выявления ценностной составляющей лингвокультурного типажа «хакер» мы проанализировали высказывания с оценочным контекстом, которые так или иначе затрагивают хакеров. Поскольку лингвокультурные типажи не являются концептами традиционной русской народной культуры, они не зафиксированы в пословицах и поговорках. Рассматривая афористику на данную тему, мы не встретили ни одного серьезного изречения на тему хакера или хакерства, тогда как в шуточных изречениях образ хакера был представлен довольно широко. Материалом для выявления ценностной составляющей рассматриваемо-

го типажа так же служат анекдоты и различные прецедентные тексты, переделанные в русле компьютерной тематики. В исследовании мы учитываем так же комментарии на форумах, затрагивающие данную тематику и содержащие высказывания с мотивирующим оценочным контекстом.

Следует отметить, что, несмотря на то, что большей частью негативный, отталкивающий образ хакера, тем не менее, он вызывает больше положительных оценок, чем отрицательных. Это может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что высокий интеллект, глубокие знания, умения хакера, стремление во что бы то ни стало достичь поставленной цели и ее достижение настолько важны, настолько ценны, что на их фоне остальные характеристики становятся не столь релевантными. С другой стороны, лингвокультурный типаж «хакер» – это типаж, большей частью, виртуальной культуры, в которой ряд параметров, актуальных для культуры реальной, нивелируется, теряет свою ценность и значимость.

В оценочных высказываниях о хакерах подчеркивается, прежде всего, фанатичная увлеченность своим делом, из-за которой хакер не замечает окружающей его действительности, перенося реалии виртуальности в окружающие его мир, напр.: 1) *Хакер смотрит по телевизору баскетбол. Тренер сборной России берет тайм-аут. На экране надпись: «Timeout Russia». Хакер (ворча): – Ну вот, опять у наших коннект нукудышний...;* 2) *Хакер подходит к телефону: Звонящий: Алло! Хакер: Проверка пользователя и пароля. Звонящий: Алло! Что такое?! Что случилось? Хакер: Для справки нажмите F1. Звонящий: Какое F1!!! У меня дисковый телефон! Хакер: Тогда вставьте Диск N2 и нажмите Enter. Звонящий: Какой диск! Какое F1! Васю можно?! Хакер: Указанный Вами пользователь не найден, повторите попытку позже. 3) Телефонный звонок. Хакер снимает трубку: – Connect 19200.*

Положительную оценку получают знания хакера, его способности, умения. Напр., в следующем отрывке из стихотворения Ю.Нестерова: *Маленький юзер был очень умен, / В porton'e файлы копировал он. / Дети! Давайте у хакера спросим: / «Правда, что сору – это F8?»* Хакер выступает в роли своеобразной высшей инстанции, которая может разрешить создавшуюся проблему, потому что хакер наверняка знает, что команда «F8» используется не для копирования, а для удаления файлов.

В анекдотах, описывающих ситуации, в которых благодаря своим действиям хакер получает большую выгоду для себя или для кого-то еще, присутствует доля восхищения умениями хакера: *На днях суд города Сан-Франциско приговорил хакера Гойко Митича к десяти годам лишения свободы. Сейчас он уже отбывает наказание в колонии «Прииск Счастливый» штата Аляска. По данным центрального компьютера полиции, завтра, в 12:00, полностью отбыв срок наказания, он выходит на свободу.*

Положительным считается так же и тот момент, что хакер не оста-

навливается на достигнутом, что стремится к большему, саморазвивается, что сможет выполнить такие задачи, которые обычному программисту не под силу (*Серьезная организация возьмет на высокооплачиваемую должность опытного хакера. Резюме просим размещать на главной странице сайта www.microsoft.com. или Благодаря американской компьютеризированной системе выборов президента, тысячи российских хакеров смогли принять участие в голосовании... или Как-то русские хакеры покопались в программном обеспечении ракеты "ТОМОГАВК" – теперь она называется «БУМЕРАНГ» или Встречаются два хакера. Ну там, за жизнь и всё такое... Один как-то мимоходом спрашивает: – А у тебя кто провайдер? – ФСБ... – КАК ФСБ!?!? :[o] – Да типа они у нас в конторе жучков понаставили, так я через них...).* Особенно наглядно данная оценка представлена в анекдотах, описывающих совершаемые хакером действия из области фантастики, то, чего на самом деле быть не может: *Ползет по улице в дымину пьяный хакер. Еле руки и ноги передвигает. А навстречу ему другой, трезвый: – Слушай, Вася, ты чего? Ведь ты же неделю назад закодировался? – Ага! – Ик! – А я – Ик! – в-вечера к-к-код подобрал... или Идет по дороге хакер и волочет за собой BFG-9000. На повороте подбегают к нему пара киллеров: – Слышь, мужик, ты иде такую штуку взял ??? – Хакер (вяло, с оттенком безразличия): – Да из DOOMа дебаггером вытащил.... Во втором анекдоте описывается нереальная ситуация, когда хакер материализует очень мощное оружие из компьютерной игры, равного по силе которому нет, тем самым подчеркивается восприятие хакера как человека, который может практически все. Некоторые анекдоты в качестве оценки хакеров содержат и элемент восхищения: *Юзеры с компьютером на «Вы», программисты – на «Ты», а хакеры – на «Ты, козел...» или Чем хакер отличается от юзера? Хакер подбирает пароль с третьего раза, а юзер набирает с пятого или Молодой спец спрашивает у хакера: – А почему у меня Internet не работает? – А у тебя Tu-Cu-Пи-Ай-Пи (TCP-IP) стоит? – Конечно стоит! Но как ты его назвал!**

Хотя знания и умения хакера оцениваются положительно, и он воспринимается порой как компьютерный гений, тем не менее, приписываемый ему образ жизни, привычки воспринимаются порой с иронией, порой – с сочувствием: *По сведениям из достоверных источников, знаменитый московский хакер Василий Пупкин готовится таки вскрыть сервер Пентагона. Он уже раздобыл похожий корпус и теперь тренируется в скоростном отвинчивании крепежа крышки или Договорились встретиться ламер, юзер и хакер. Ламер и хакер пришли вовремя, а юзер опаздывает. Наконец приходит и говорит: – Книгу по TCP/IP купил, зачитался... Ламер: – А что такое «тисипи – айпи»? Хакер: – А что такое «книга»? или Если тебя друзья величают хакером, знай, ламер ты, ибо настоящего хакера не видно, не слышно и нет у него никаких друзей кроме компьютера или Чем пользователь отличается от хакера? Если попросить их перезагрузить компьютер, пользуясь только мышкой, то пользователь жмёт на «Завершение работы» в Windows. А что делает хакер? Он поднимет мышку со стола и нажмёт ею*

на Reset.

Так же считается, что хакер высокомерно относится ко всем тем, кто разбирается в компьютерах хуже него, и это наглядно видно, напр., из таких анекдотов, как следующий: *К хакеру подходит ламер, протягивает исходник своей неработающей программы и спрашивает: – Где у меня ошибка? – В ДНК!!!*

При опросе респондентов о том, как они относятся к хакеру, мы выявили, что хакеров уважают (за знания, стремления всегда добиваться цели, за свободу самовыражения, заключающуюся в вызове, бросаемом своими действиями другим членам общества), ими даже могут восхищаться, стремиться походить на них в некоторых аспектах. В то же время над хакерами смеются, они могут вызывать жалость тем, что не видят ничего, кроме своего мира, мира компьютеров, сетей и технологий. Хакер, оторванный от своего мира, представляется беспомощным и даже жалким, ему сочувствуют из-за неустроенности жизни, быта и т.п. Ответов, содержащих негативную оценку, дано не было. При описании хакеров респонденты чаще всего употребляли следующие прилагательные с оценочной функцией: «хитрый», «матерый», «крутой», «продвинутый», «умный», «умелый», «продуманный», «смелый», «изворотливый», «гениальный», «настойчивый».

Итак, лингвокультурный типаж «хакер» представляет собой узнаваемый образ человека, основными характеристиками которого являются образованность, глубокие знания, высокая квалификация в области программирования, неиссякаемый энтузиазм, высокая степень увлеченности своим делом, использование своих знаний и умений во зло другим. Последняя характеристика в сознании носителя русского языка является доминирующей и определяет образную составляющую данного лингвокультурного типажа. Однако, несмотря на сложившийся образ, не вызывающий, на первый взгляд, очевидных симпатий, «хакер» не вызывает негативного отношения, большинство оценок данного лингвокультурного типажа маркированы положительно. Такое несоответствие, вероятно, можно попытаться объяснить либо тем фактом, что, несмотря на то, что «хакер» является устоявшимся образом сложившейся сетевой культуры, пользователи обладают информацией об определенном диссонансе между сложившимся образом и действительным хакером, который под этот образ не попадет, либо тем, что правовые нормы в виртуальной среде еще четко не определены, несмотря на предпринимаемые действия, новая, виртуальная, среда воспринимается как свободное пространство, свободное от каких-либо норм, вследствие чего оценки, применяемые в реальной жизни, в рамках этой новой среды оказываются нерелевантными.

На наш взгляд, интересным представляется анализ оценочных характеристик, даваемых хакеру людьми, не пользующимися Интерне-

том. Вероятно, что среди них можно будет найти и негативные высказывания, поскольку образ хакера, сформированный сегодня различными СМИ, затрагивает в основном только одну из составляющих понятийного компонента этого лингвокультурного типажа. Данную проблему можно рассматривать в качестве ближайшей перспективы исследования по лингвокультурному типуaju «хакер».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Галкин Д.В. Бинарный язык и виртуальный дискурс: к философии цифровой культуры // Гуманитарная информатика. Открытый междисциплинарный электронный журнал. – 2005. – Вып.

[Электронный ресурс] // <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/2/galkin.htm>

Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / под ред. В.И.Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 74-88.

Землянова Л.М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 1999. № 2. – С. 58-69.

Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. – 2000. - №1 [Электронный ресурс] // <http://nethistory.ru/biblio/1043175738.html>

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / под ред. В.И.Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 25 – 61.

Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / под ред. В.И.Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5 – 25.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987. - 262 с.

Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. Вып. 426. – М.: Изд-во Моск. линг. ун-та, 1996. – С.112-116.

Николаева Т.П. Инновационный характер экономической структуры в постиндустриальном обществе //Инновации. – 2001. – № 9-10. – С. 38.

Нургалева Л.В. Этика и эстетика сетевой культуры: рабочая программа курса. – Томск: Томский государственный университет, 2002. [Электронный ресурс] // <http://www.ido.tsu.ru/ss/?unit=90&page=contents>

Нургалева Л.В. Дихотомия статусной и внестатусной культуры в условиях развития сетевого общества // Гуманитарная информатика. Открытый междисциплинарный электронный журнал. – 2004. – Вып. 1. [Электронный ресурс] // <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/nurgalieva.htm>

Пласичук В.П. Информационно-сетевая культура пользователей: проблемы и решения // Право и Интернет: теория и практика. Четвертая конференция. 25.11.2004–26.11.2004. Park Media Consulting [Электронный ресурс] // http://www.parkmedia.ru/conf.asp?ob_no=362

Сиротинина, О.Б. Речь отдельных журналистов в газете «Известия» / О.Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. Вып.2. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С.51-57.

Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987.
Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чужаки»: Автореф. дис. ...канд.
филол. наук. – Волгоград: ВГПУ, 2005. – 11 с.

Connor S. Theory and Cultural Value. – Oxford: Basil Blackwell, 1992. – 276 p.

JF – The Jargon File, version 4.4.7 [Electronic resource] – 29.12.2003. // <http://www.catb.org/~esr/jargon/> © Лутовинова О.В., 2006

Маргарита Надель-Червиньска
Катовице, Польша

СЕМАНТИКА ГОРЫ В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЕВРОПЕЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Abstract

The Mountain is considered to be one of the most significant and substantial fragments (conceptospheres) of the primitive picture of the world. The author analyses this mythopoetic complex by comparing concepts of The Mountain in different cultures, in a number of linguo-cultural contexts of ethnic environment.

Каждый фольклорный фонд во всех своих проявлениях, будучи национальным культурным и языковым явлением, представляется огромным по своему объему и значимости лингвокультурологическим материалом, возможности и методы исследования которого поистине неисчерпаемы. С одной стороны, фольклор всегда был хранилищем архаического свода народных знаний (мифологических, практических, ритуальных, магических), с другой – именно посредством фольклора знания эти закреплялись и передавались изустно из поколения в поколение, на уровне вербальном и на уровне невербальном.

Частично утраченное, полузабытое и приблизительно, а иногда и ложно, понимаемое сегодня нами национально-культурное наследие того или иного народа и создает порой трудноразрешимые загадки как для лингвистов, так и для культурологов. И хотя для данного этапа развития языков и культур фольклорное наследие кажется подчас не столь актуальным, вне этого проявления народной лингвокультурной общности описание современной «культуросферы», а также «концептосфер» (термины Д. Лихачева) как одного национального социума, так и, в сопоставлении, разных, оказалось бы неполным и, возможно, в части своей даже недостоверным.

В совокупности фольклорных текстов каждой национальной культуры воссоздается в значимых деталях и частностях традиционная картина мира, которая характерна именно для данной ментальности – менталитета носителя этой культурно-языковой традиции. В сопоставлении же фрагментов восприятия объективной картины мира носителями разных фольклорных традиций и выявляется те общие черты и те различия, что характерны для нашего понимания «национального»,